

УДК 811.161.1
ББК 82.3(2=411.2)

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ ПЕРМСКОГО КРАЯ: МОТИВИРУЮЩИЕ ОСНОВЫ ТОПОНИМОВ И ГРУППЫ СЮЖЕТОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ XIX–XX ВВ.)¹

КАЛИСА СЕРГЕЕВНА ПЕШИНА

(Пермский государственный национальный исследовательский университет:
Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15)

***Аннотация.** Статья посвящена описанию и характеристике топонимических преданий, собранных на территории Прикамья в ходе студенческих практик и научных экспедиций филологического факультета ПГНИУ в 1970–2010-х годах. В работе представлена классификация материала на основании мотивационной модели, предлагаемой в преданиях для объяснения топонима. Одна из самых многочисленных групп — тексты, в которых географическое название производится от имени первопоселенца (реже — другого лица). Прикамская региональная специфика проявляется в характеристиках основателей поселений: выходцы из Великого Новгорода, беглые крестьяне и солдаты, разработчики месторождений полезных ископаемых. Другая крупная группа преданий связывает топоним с особенностями местности: рельефом, животным и растительным миром и т. п. В таких текстах не слишком ярко отражено своеобразие края; их отличительная особенность — бессюжетность, простота построения. Предания, распределённые нами в третий раздел, в основном отсылают к событиям локальной истории или, основываясь на внутренней форме топонима, предлагают варианты народной этимологии нерусских названий.*

***Ключевые слова:** топонимия, топонимическое предание, Прикамье.*

Топонимический мотив как один из элементов фольклорного повествования интересен уже тем, что в отличие от других получил собственное название. Как пишет Н. А. Криничная, «мотив происхождения географического названия сложился в рамках цикла о заселении и освоении края, где он иногда играет сюжетообразующую роль, но чаще занимает периферийное положение» [Криничная 1991б, 17]. Однако в ряде случаев именно топонимический мотив формирует нар-

ратив, и тогда мы можем говорить о топонимическом предании — тексте, так или иначе объясняющем происхождение географического названия.

Основным материалом нашего исследования послужили предания, собранные в ходе студенческой фольклорной практики и научных экспедиций филологического факультета ПГНИУ (ранее — ПГУ) на территории Пермского края (в прошлом — Пермской области) в разные годы (1972, 1978, 1983–1993, 1995,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 16-34-00007-ОГН «История Северного Прикамья в зеркале фольклора (на материале публикаций XIX — начала XX вв.)»

2000–2005, 2010 гг.; часть записей хранится в архиве лаборатории «Фольклор Прикамья», рук. К. Э. Шумов)². Уже на стадии отбора текстов обнаружилось, что именно топонимические предания количественно преобладают в общем массиве фольклорной исторической прозы региона (165 текстов из 236), так что нам показалось логичным обратить внимание в первую очередь именно на эту часть архива. Для сопоставления привлекаются также данные XIX века, опубликованные в различных региональных изданиях.

Имеющиеся исследования фольклорной исторической прозы пермского Прикамья преимущественно связаны с легендарным чудским народом, рассказы о котором распространены на территории региона [Моряхина, Сарапулов 2010; Моряхина 2014; Голева 2013; Королёва 2014]. Другой вектор интереса направлен на отражение истории края [Чагин 1999; Ключикова 2012; Курочкина 2012] либо религиозно значимых событий («сакральной истории»): основания монастырей, явления икон и т. п. [Кустова 2014]. Работ, специально посвящённых топонимическим преданиям Пермского края, нам не встретилось.

Классифицируя наш материал, мы опирались на «Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий», составленный Н. А. Криничной [Криничная 1991в]. Кроме этого учитывался также опыт других исследователей, работавших в данной области: указатель Ю. В. Приказчиковой [Приказчикова 2009], составленный на материале вятской исторической прозы, и модель указателя, предложенная Н. В. Петровым [Петров 2013], разработанная для легенд и преданий Каргопольского района Архангельской области. Во всех названных указателях предания о происхождении названий выделены особо, хотя положение их в общей структуре несколько различно. У Н. А. Криничной и Ю. В. Приказчиковой, например, это самостоятельный раздел, равный по значению преданиям о появлении персонажей местности или выборе места для поселения, тогда как у Н. В. Петрова подкласс топонимических преданий включён

в обширную группу текстов «Селения, объекты, события». Принцип классификации во всех случаях схож: предания распределяются в зависимости от того, чем мотивирован топоним, возникновение которого описывается.

Кроме собственно указателей мы опирались и на другие исследования в области топонимических преданий и исторической прозы вообще. Основополагающими в данной области являются для нас работы Н. А. Криничной [Криничная 1991а, Криничная 1991б]. В отношении именно топонимических преданий очень близки нам оказались рассуждения Е. Л. Березович о возможных способах соотношения топонимов и фольклорных сюжетов [Березович 1999; Березович и др. 2015]. Ею был введён в оборот термин «ремотивация» — «попытка объяснения внутренней формы топонимов с помощью произведений устного народного творчества или в связи с ними. Таким образом, топоним, инициировавшая фольклорное произведение, превращается в его структурный элемент» [Березович 1999: 4]. Иначе говоря, уже появившееся название объекта «притягивает» к себе подходящую фольклорную сюжетную схему (которая может и не отражать реальных причин возникновения топонима). Далее мы обращаемся к этому понятию в попытке объяснить некоторые процессы, наблюдаемые на нашем материале.

Поскольку в качестве базового мы использовали указатель Н. А. Криничной, именно её формулировки используются при обозначении групп преданий (кроме отдельно оговорённых случаев). Наиболее многочисленными в нашем материале оказались три группы: 1) название объясняется через обращение к имени (фамилии, прозвищу) лица (основателя поселения, первого жителя или другого); 2) топоним мотивируется обращением к физическим характеристикам местности; 3) предания с произвольной мотивировкой (по случайному признаку, так называемая «народная этимология»).

Итак, одна из наиболее обширных групп топонимических преданий — та, в которой происхождение названия

² Учтены сведения, собранные в 19 районах края, в большей мере северных (Красновишерский, Чердынский, Соликамский, Усольский), отчасти — центральных и южных (Пермский, Краснокамский, Кунгурский, Кишертский и др.).

связывается с именем: «Один из крепостных строгановских бежал в летнее время, по лесам рыскал, а когда холодать стало, ринулся назад и наткнулся на выходы медной руды здесь. Вот он пришёл, сказал, что есть новое месторождение. И хотя Стrogановы не очень хорошо относились к работкам медной руды, но поскольку здесь в Романове солёных промыслов не было, то решили, пусть медь. А этого поставили управляющим на эти прииски. А звали его Роман. Вот и Романово село» (Зап. от Алексея Алексеевича Зайцева, с. Романово, Усольский р-н, Пермская обл. Соб. Мелюхина Е., Савельева Н., 2004 г.) [ФА ПГНИУ, т. 904]. Топоним может также связываться с фамилией: «Приехал издалека мужик по фамилии Меновицков, стал строиться, семья у него была большая. Земля очень хороший урожай давала, люди с окрестности потянулись туда строиться. С тех пор и пошло — деревня Меновицки» (Зап. от Дины Ювенальевны Бурдиной, 1932 г. р. (урож. д. Меновицки), г. Очёр, Очёрский р-н, Пермская обл. Соб. Чугайнова С., Шубина Н., 1992 г.) [ФА ПГНИУ, т. 613]. Наконец, в отдельных случаях встречаются прозвища: «(Соб.: А за рекой у нас деревня Кочи. Это, наверно, потому что болотистое место, кочки?) Нет, говорят, что туда человек первый пришёл. Коча прозвище ему было. От него и все люди пошли» (Зап. от Елизаветы Афанасьевны Кинёвой, 1907 г. р. (урож. г. Кунгур), с. Осинцево, Кишертский р-н, Пермская обл. Соб. Обухова Е., Кононова Н., 1984 г.) [ФА ПГНИУ, т. 332].

В жанрово-тематическом отношении нам кажется важным, что некоторые информанты сами формулируют общий принцип мотивировки топонимов: «Деревень раньше много было: <...> А деревни так назывались по фамилии первопроходца» (Зап. от Валентины Георгиевны Ваньковой, пос. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Такашина Н., Мокрушина О., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 932]; «(Соб.: А почему кладбище у вас «Забойкой» называется?) А видно, фамилия была какая-то. У нас и от Шабурра местность называлась Шабурной. Всё больше ведь по именам давали, то есть по фамилиям» (Зап. от Александры Михайловны

Харунжей, 1932 г. р., пос. Всеволодовильва, Александровский р-н, Пермская обл. Соб. Архипенкова М. С., Митрофанова Т. А., 2003 г.) [ФА ПГНИУ, т. 880]. Приведённые записи демонстрируют убеждённость самих носителей фольклора в том, что топоним должен образовываться от какого-либо имени, и можно предположить, что часть из них на этом основании ремотивируется населением.

Похоже, что именно так произошло с названием деревни в Чернушинском районе: «В этой деревне очень давно жил богатый человек Саул. По его имени и стали называть эту деревню. Правда, потом, через какое-то время название изменилось, стало Есаул» (Зап. от Ираиды Константиновны Селезнёвой, 1925 г. р. (урож. д. Есаул), г. Чернушка, Чернушинский р-н, Пермская обл. Соб. Каренина, Веденева³, 1991 г.) [ФА ПГНИУ, т. 511]. Прозрачная, на первый взгляд, внутренняя форма современного названия почему-то потребовала усложнённой мотивировки, установления связи с неким конструируемым антропонимом — Саул.

Наибольшим количеством вариантов в нашем материале представлен сюжет о происхождении двух деревень в Красновишерском районе — Антипина и Паршакова; названия эти соотносятся с именами двух братьев — Антипа (Антипы) и Паршака. В некоторых вариантах сюжета топонимический мотив уходит на периферию, а на первый план выходит мотив выбора места для поселения и часто контаминирующая с ним ситуация спора/соревнования: в споре персонажей выясняется, кто из них будет жить внизу, а кто — наверху. В фольклорном нарративе спор разрешается состязанием: кто победит, тот выберет предпочтительное место. Само испытание представлено в разных вариантах. Один из них — кто дальше прыгнет: «И они поспорили — кто перепрыгнет через камень, тот будет жить наверху, а кто не перепрыгнет, будет жить внизу» (Зап. от Галины Гертер, 1994 г. р., д. Антипина, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. Чупина Ю., Жданова Е. 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 930]; «Стали перепрыгивать речку. Антип прыгнул на один камень — стали то

³ Здесь и далее неполные ссылки на экспедиционные источники означают, что недостающие данные не зафиксированы в архиве.

селение называть Антипина; а Паршак прыгнул на другой камень, и стали называть то селение Паршакова» (Зап. от Максима Андреевича Савченко, 1988 г. р., п. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. Такашина Н., Мокрушина О., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 932]; «...Кто с камня на камень перепрыгнет, тот будет жить вверху, а кто недопрыгнет, будет жить внизу. Вот Антип прыгнул — перепрыгнул, а Паршак прыгнул — недопрыгнул» (Зап. от Андрея Ефимовича Антипина, 1982 г. р., д. Антипина, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 933]. По другой версии — кто дальше бросит камень: «Решили два камня кидать... Кто дальше кинет, тот будет дальше, выше жить... Кто ближе — тот здесь будет жить» (Зап. от Анастасии Руслановны Вятчаниной 1991 г. р. (урож. д. Паршакова), с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермский край. Соб. Абрамова В. С., Коновалова Е. А.) [ФА ПГНИУ, т. 926]. Наконец, третий встреченный нами вариант — кто победит в драке: «И решили они выйти в чисто поле и помериться силой. Дрались три дня и три ночи, и победил Антип, стал жить на горе, Паршак — под горой, около горы» (Зап. от Ивана Петровича Жмурко, 1982 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927].

Как уже было сказано, герои этого предания обычно считаются братьями, но представлены и другие варианты: «жили два богатыря русских Антип и Паршак» (Зап. от Ивана Петровича Жмурко, 1982 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927]; «как-то возвращаются два солдата: Антип и Паршак» (Зап. от Максима Андреевича Савченко, 1988 г. р., п. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская область. Соб. Такашина Н., Мокрушина О., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 932].

В то же время, как мы отмечали выше, собирателями были записаны и более простые варианты преданий, где есть только указание на имена или фамилии основателей: «Названия деревень Паршакова, Антипина — от имен Парфён (Порфирий) и Антип» (Зап. от Татьяны

Александровны Собяниной, 1954 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927]; «У нас в Антипина сначала все Антипины были, а в Паршакове все Паршаковы были. Отсюда название деревни пошло» (Зап. от Екатерины Евсеевны Собяниной, 1925 г. р. (урож. хут. Ветлянка), д. Антипина, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб.: 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 933] — подобные версии остаются вполне вписанными в ряд типичных преданий с отымёнными топонимами.

Количественное сопоставление показывает, что в качестве мотивирующего антропонима информанты чуть чаще выбирают фамилию (25 случаев), а не имя (20 случаев) человека. Объяснение происхождения некоторых топонимов в преданиях сохраняет несколько параллельно бытующих вариантов: от имени и от фамилии. Интересно, что в случае с названиями Антипина и Паршакова заметно более активным оказывается вариант с отымённой мотивировкой. Что касается других сюжетов, пока сложно говорить, имеем ли мы дело с тенденцией постепенной замены мотивирующего компонента (с имени на фамилию). Полагаем, что расширение материала, в том числе за счёт привлечения текстов XIX и XXI вв., позволит уточнить наши наблюдения в этом отношении и увидеть более чёткие закономерности, если они есть.

Также обращает на себя внимание особенность, касающаяся героев многих топонимических преданий. В ряде сюжетов, где название объекта мотивируется по имени его основателя, есть чёткие указания на богатство этого первопоселенца: «купец», «богатый человек», «богач» — такие характеристики встречаются в 8 записях из разных районов края (Пермского, Красновишерского, Оханского и др.), например: «Да, говорят, богач какой-то, Мошев, жил» (Зап. от Натальи Игнатьевны Мошевой, 1915 г. р. (урож. д. Мошево), с. Кизьва, Сивинский р-н, Пермская обл. Соб. Безгодова Л. Г., Батюкова Н. В., Лосева Е. А., Шипицына Е. В., 1985 г.) [ФА ПГНИУ, т. 352]; «А её Кулаков основал. Купец» (Зап. от Павла Александровича Власова, ок. 1918 г. р. (урож. д. Кулакова) с. Искор, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Воложанина Е., Карандашова Н.,

1988 г.) [ФА ПГНИУ, т. 401]; «*Да, говорят, Пылай тут жил, богатый человек*» (Зап. от Клавдии Дмитриевны Постниковой, 1920 г. р. (урож. д. Пылай), д. Чёрная, Краснокамский р-н, Пермская обл. Соб. Береснева О. Г.) [ФА ПГНИУ, т. 356]; «*В этой деревне очень давно жил богатый человек Саул. По его имени и стали называть эту деревню [Есаул]*» (Зап. от Ираиды Константиновны Селезнёвой, 1925 г. р. (урож. д. Есаул), г. Чернушка, Чернушинский р-н, Пермская обл. Соб. Каренина, Веденева, 1991 г.) [ФА ПГНИУ, т. 511].

По наблюдению Н. А. Криничной, мотив феодальной колонизации обычно редко проявляется в преданиях о заселении и освоении края [Криничная 1991б, 16], однако на нашем материале он, кажется, проявляется сравнительно активно.

В качестве основателей поселений на Урале фигурируют также «беглые» разного рода: крестьяне, солдаты, в одном случае зафиксирован даже «беглый царь»: «*А вот люди говорили, бежал-де белый царь, Романов этот, белый бежал. Отсюда и началось название Романиха*» (Зап. от Александры Григорьевны Ильиных, 1913 г. р. (урож. д. Бахари), г. Красновишерск, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Двинянинова О., 1988 г.) [ФА ПГНИУ, т. 430]. Иногда топоним мотивируется именем не первоначальника, а другого лица, например завоевателя: «*...Родители, старики рассказывали, что, мол, давненько татарин Опач завоевал деревню. От него и пошло, мол*» (Зап. от Августы Ивановны Бельковой, 1919 г. р., с. Опачёвка, Ординский р-н, Пермская обл. Соб. Матюшина И., Марача С., 1992 г.) [ФА ПГНИУ, т. 623]; разбойника: «*И Соколий луг есть. А зовут его так, потому что Сокол-разбойник там проходил, разбойничал*» (Зап. от Ольги Васильевны Кустовой, 1923 г. р., д. Крюково, Еловский р-н, Пермская обл. Соб. Мягих А. В., Сафонова Ю. В. 1990 г.) [ФА ПГНИУ, т. 463]; официально признанного местного героя: «*Там, где сейчас Ванькова, туда пришёл герой с войны, и была его фамилия Ваньков. И поэтому деревню называют Ванькова*» (Зап. от Максима Андреевича Савченко 1988 г. р. Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Такашина Н., Мокрушина О., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 932].

Как показала работа с газетой «Пермские губернские ведомости», осуществлявшаяся в фондах Пермского краеведческого музея, в публикациях этого периодического издания зафиксировано некоторое количество преданий XIX века, также возводящих топоним к имени некоего лица. Приведём примеры, попавшие на страницы прессы: «*Название реки Тулвы произошло, как говорят, от богатого татарина, жившего на её берегах — Тулубая*» [Переписные Осинские книги... 1880: 76]; «*Село Архангельское до основания церкви Михайло-Архангельской называлось Карповым, от имени первого поселенца Карпа в этом месте. Впрочем, оно и в настоящее время в народе известно под именем Карпова*» [Шишонко 1883а: 309]; «*Название села Кудымкор, очевидно, нерусское. <...> У жителей есть предание, что какой-то человек, называвшийся Кудымом, был первый житель настоящего села. Указывают даже место жительства его на крутом берегу речки Кувы*» [Шишонко 1883б: 355]. Любопытна подборка топонимов Пермской губернии, связанных с именем Ермака, приведённая в статье, посвящённой трехсотлетию завоевания Сибири: в ней фигурирует несколько *Ермаковых городищ, Ермаковский рудник, Ермак-камень* и др. [Память о Ермаке в Пермском крае 1881: 370].

Другая многочисленная группа топонимических преданий — та, где географическое название объясняется через обращение к особенностям местности. Мы отнесли к ней 43 текста, в том числе те, где происхождение топонима объясняется переносом по смежности (например, населённый пункт именуется по названию реки). Говоря о преданиях данной группы, нужно отметить, что по сравнению с другими (например, где название мотивируется именем первооселенца или «по случайному признаку») они в большей степени отличаются простотой построения, бессюжетностью, отсутствием действующих лиц.

Факторы, послужившие поводом к именованию, встречаются разные: рельеф — «*домов-то в деревне мало было. А дома на возвышенности. Возвышенность — это кулижка. Отсюда и пошло название Кулигино*» (Зап. от В. А. Баяндиной, 1924 г. р., д. Кирьяново, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. 1989 г.) [ФА ПГНИУ, т. 443а];

животный мир — «*есть малая река Першовка. Название от птицы першук, она любит кедровые орешки. Другое название птицы першук — кедровка. По берегам этой реки росли кедры*» (Зап. от Татьяны Александровны Собяниной 1954 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927]; растительный мир — «*лес корчевали, место расчищали. А там малины много было. Вот и назвали Малиновка*» (Зап. от Зинаиды Григорьевны Миковой, 1913 г. р., г. Чердын, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Вологжанина Е., Карандашова Н. 1988 г.) [ФА ПГНИУ, т. 401]; наличие полезных ископаемых — «*название поля Рудник пошло от того, что там добывали руду*» (Зап. от Владимира Рудольфовича Шмидта, 1956 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927] и др. Нельзя сказать, что в этой группе текстов какая-то одна из особенностей местности преобладает в качестве мотивирующей; возможно, привлечение записей из других источников и расширение материала поможет в дальнейшем выявить какие-либо закономерности.

Топонимы, не связанные с личными именами, чаще порождают разнообразные варианты происхождения одного и того же названия. Интересно, что эти варианты при классификации могут попадать не только в одну, но и в разные группы. Так, две мотивировки названия деревни Норочье (Еловский район) одинаково основываются на специфике местности, хотя и апеллируют к разным факторам: «*Норочье — потому что лисьи норы там были*» (Зап. от Ольги Васильевны Кустовой, 1923 г. р., д. Крюково, Еловский р-н, Пермская обл. Соб. Мягких А. В., Сафонова Ю. В., 1990 г.) [ФА ПГНИУ, т. 463]; «*Так норок, животных, много было. Вот и назвали деревню так*» (Зап. от Клавдии Игнатьевны Высоковой, 1916 г. р., д. Норочье, Еловский район, Пермская обл. Соб. Чиркова С., Федорченко Н., 1990 г.) [ФА ПГНИУ, т. 464]. Здесь разные объяснения одного названия спровоцированы языковой омонимией (норка — нора и норка — животное). Иначе мотивируется название деревни Потаскуево (Красновишерский район): в одном из

нарративов оно соотносится с аналогичным топонимом, именуя другой близко расположенный объект: «*Потаскуево так называется, потому что там гора есть какая-то: Псковская или Потаскуево*» (Зап. от Фёдора Ивановича Ильиных, 1906 г. р., пос. Сыпучи, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Каратаева М. Ю., Глушкова А. В., Бачева Н. И., 1986 г.) [ФА ПГНИУ, т. 3286], — а в другом рассказе отсылает к фольклорной версии локальной истории и включает народную этимологию: «*Почему деревня называется Потаскуево? Старичок здесь сделал избушку и скучал, а потом к нему другие люди переселились. От того, что он тосковал, деревня стала называться Потаскуево*» (Зап. от Валентины Ивановны Шмидт, 1927 г. р., пос. Сыпучи, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Каратаева М. Ю., Глушкова А. В., Бачева Н. И., 1986 г.) [ФА ПГНИУ, т. 3286].

В то же время топоним может иметь одну довольно устойчивую версию происхождения, обусловленную именно особенностями местности. Так, чрезвычайно продуктивным оказалось название Говорливый камень в Красновишерском районе, вокруг которого сконцентрировался целый ряд преданий. Несколько имён: название деревни (д. Говорливое), самого камня, даже появление фамилии (Говорливых) — объясняется особенностью объекта ландшафта: «говорливостью» камня, феноменом эха, раздающегося вблизи него: «*Так там камень говорит*» (Зап. от Валентины Фёдоровны Нечкиной, 1908 г. р. (урож. д. Говорливое), д. Нечкино, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Карташова Л., Шумилова О., 1986 г.) [ФА ПГНИУ, т. 361]; «*Камень говорливый, потому что там раздаётся многократное эхо*» (Зап. от Владимира Рудольфовича Шмидта, 1956 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермский край. Соб. Четвертных А. И., Пережогина Е. С., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 927]; «*Вот говорилистый камень, его за то зовут: скажешь — в камню всё отдаётся*» (Зап. от Александры Григорьевны Ильиных, 1913 г. р. (урож. д. Бахари), г. Красновишерск, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Двинянинова О., 1988 г.) [ФА ПГНИУ, т. 430] и т. п.

В публикациях XIX века также встречаются пересказы преданий, бытовавших

на территории бывш. Пермской губернии, в которых происхождение топонимов связывается с особенностями местности: «Село Соколы Горы — старое село и оно, по сказанию старожилов, много раньше заселилось, чем Иргинский завод, лежащий выше села в 6-ти верстах, построенный в 1728 году. Оно замечательно тем, что жители его занимались в былые времена ловлею “кречетов и соколов” для придворной охоты, отчего и носит название — Соколы Горы» [Из дневника 1883, 134]; «Самая большая гора называется Золотухой. Название это ей дано, как говорят старожилы, от богатейших урожаев хлеба» [Шишонко 1883в, 375].

На наш взгляд, предания описываемой группы отчасти сближаются с теми, которые, по классификации Н. А. Криничной, «описывают происхождение топонима по случайному признаку (народная этимология)» [Криничная 1991в]. У самой исследовательницы некоторые тексты отнесены к двум этим категориям одновременно, то есть оказывается, что топоним мотивирован и особенностями местности, и по случайному признаку. Подобная ситуация, на наш взгляд, демонстрирует необходимость уточнения формулировки «по случайному признаку». Кажущаяся «случайность» мотивирующего признака при ближайшем рассмотрении таковой не является, так как на самом деле этот признак либо прямо обусловлен лингвистическим фактором (формой топонима), либо связан для информантов с конкретными местными реалиями.

Примером влияния формы слова может послужить фольклорное объяснение названия села Пянтег в Чердынском районе. Многочисленные варианты этого предания показывают, что для носителей русского языка данный ойконим устойчиво ассоциируется со словом «пень», созвучным первой половине названия: «Слышала я, давно это было. Плыл по реке пень. А на пне — икона. Люди-те икону увидели, церковь поставили тут. И назвали место Пянтег» (Зап. от А. П. Черных, ранее 1907 г. р., с. Пянтег, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Смирнова Л., Муратова Н., 1987 г.) [ФА ПГНИУ, т. 385]; «Село называется так, потому что когда-то по реке плыл пень, а на нём была икона. Пень с иконой пристал к берегу. А люди увидели икону и решили построить здесь поселение

(пень и тѣк)» (Зап. от Анны Максимовны Грибановой, 1907 г. р., с. Пянтег, Чердынский р-н, Пермская обл., Соб. Курочкина О., Хребтова Н., 1987 г.) [ФА ПГНИУ, т. 378]; «Слышала я, что стоял здесь пень, а возле ручей тѣк. Люди пришли, деревню поставили и назвали Пянтег» (Зап. от Н. А. Поповой с. Пянтег, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Смирнова Л., Муратова Н. 1987 г.) [ФА ПГНИУ, т. 385].

Можно привести ещё несколько подобных примеров: «Жил чудской князь Кор на городище. Воевал и был разбит русскими воинами. Жителей переселили на место нынешнего Искора. Вот и назвали: «Искор» (Зап. от Юлии Викторовны Шинкоренко, с. Камгорт, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Абанькина К. и Преженцева Е., 1995 г.) [ФА ПГНИУ, т. 544]; «Была май. Пролетела ворона и сказала: “Кар!” И не знали, как [село] назвать. Майкор и назвали» (Зап. от Марии Петровны Суловой (урож. с. Майкор), с. Камгорт, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Абанькина К. и Преженцева Е., 1995 г.) [ФА ПГНИУ, т. 544]; «Амбор раньше Амбур назывался. Бурили здесь раньше, а что бурили, кто его знает» (Зап. от Анастасии Константиновны Кетовой, 1915 г. р., д. Амбор, Чердынский район, Пермская обл. Соб. Смирнова Л., Муратова Н., 1987) [ФА ПГНИУ, т. 385] и др.

Наряду с подобными вариантами происхождения встречаются попытки перевода нерусскоязычных названий с языка-источника. У информантов действительно часто не возникает сложностей с расшифровкой гидроформантов -ва или -шор, однако смысл корня может не восприниматься вовсе, что проявляется в текстах, где информант не предлагает никаких версий объяснения: «Кушор, ку — ?, шор — “река” по-коми-пермяцкому» (Зап. от Николая Алексеевича Собянина, 1930 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Чупина Ю., Жданова Е., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 930]. В других случаях иноязычный корень осмысливается иначе, чем это принято в науке: «Язьва так называется потому, что -ва - это “вода” по-коми, а язь — это рыба. Раньше её здесь очень много было» (Зап. от Ивана Николаевича Ванькова 1987 г. р., с. Верх-Язьва, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Такашина Н., Мокрушина О., 2005 г.) [ФА ПГНИУ, т. 932].

Лингвист А. К. Матвеев даёт объяснение названия этой реки (и комментирует недостоверные версии). В работе «Географические названия Урала» он пишет: «Язьва (раньше также Язва), левый приток реки Вишера в Пермском крае. По И. Я. Кривощёкову, из коми-пермяцких слов *ез* ‘орех’ и *ва* ‘вода’, поскольку в древности здесь в обилии росли кедровники, но тогда была бы Езва или Езьва. А. С. Кривощёкова-Гантман видит в первой части названия мансийское *яс* ‘колея’, ‘тропа’, «русло большой реки». Есть ещё русское *яз*, *ез* ‘запруда для ловли рыбы’. Это слово могло проникнуть и в коми язык. Интересно, наконец, коми-пермяцкое *йӧз* ‘народ, люди’ (в смысле, «река, на которой живут», «жилая вода»), хотя и в этом случае фонетическое соответствие неполно» [Матвеев 2008, 334]. Ещё одна популярная модель фольклорной интерпретации топонима — когда информант объясняет ту часть слова, для которой есть некое соответствие в его родном языке, а другую часть оставляет неясной: «Ещё рядом есть название Турьямор. Так это, говорят, на острове между Иньвой и Камой нашли голову тура. Вот и получилось “турь”, а “ямор” — это слово пермяцкое, переводю его я не знаю» (Зап. от Марии Яковлевны Башковой, 1908 г. р. (урожд. д. Турьямор), г. Чёрмоз, Ильинский р-н, Пермская обл. Соб. Овчинникова Е., Доронина Ю., 1992 г.) [ФА ПГНИУ, т. 608].

В большинстве преданий с топонимом, объясняемым по принципу народной этимологии, описываются случаи, которые подаются как события локальной истории либо реальные местные происшествия: «Есть там у нас камень, называется Сотник. У этого камня такой порог высокий и пережат большой. Ехал мужик и только на сотый раз он поднялся на этот пережат, и камень назвали Сотник» (Зап. от Августы Ивановны Кушниной, 1920 г. р., пос. Ныроб, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. Соколова Я., Дмитриева Т., Кителёва Н., Азарова Л., 1987 г.) [ФА ПГНИУ, т. 372а]; «Шли два охотника, пошли по речке. Там в домике старушку мёртвую нашли. «Как будем речку звать?» Да Бабкой и назвали» (Зап. от Александры Федоровны Гилёвой, 1894 г. р., с. Верхнее Мошево, Соликамский р-н, Пермская обл. Соб. Солодникова Е., Чудинова Е., Шульц Т., 1972 г.) [ФА ПГНИУ, т. 165];

«Там женщина родила семерых ребят за раз, так и назвали — Семеряново» (Зап. от Т. А. Ермаковой, 1908 г. р., д. Бахари, Красновишерский р-н, Пермская обл. Соб. Бузанова С., Корпунова М., 1986–1987) [ФА ПГНИУ, т. 7706].

Интерес представляет один из нарративов, записанный в 1990-х гг., где с некоторыми вариациями повторяется сюжет, встреченный нами в «Пермских губернских ведомостях» за 1881 г.: «(Соб.: А почему Переволока так называется?) А потому что она перевезена — из Чокина. А полностью-то она зовётся Чистопереволока, потому что всю чисто её перевезли. Когда-то, гыт, она выгорала, вся выгорала. Заново отстроили» (Зап. от Зои Викторовны Некрасовой, 1920 г. р. (?), д. Переволока, Большесосновский р-н, Пермская обл. Соб. Пахорукова Ю., Балахонова А., 1993 г.) [ФА ПГНИУ, т. 674]; «Поводом к основанию этого селения, по уверению местных старожил, послужило следующее обстоятельство. К юго-востоку от села, на расстоянии 2-х вёрст, идёт небольшое возвышение, именуемое местными обитателями Чекиной горой. Это возвышение идёт полукругом на расстоянии от 300–400 сажён, образуя двумя своими отрогами род замкнутой котловины. На склоне этой котловины находилось некогда селение, о чём свидетельствуют сохранившиеся до сих пор руины. Жители этого селения (названия его не сохранилось), вероятно, по недостатку воды, стали переселяться на берег р. Сивы, на место настоящего селения. Таким образом все жители переселились, и старое селение, говоря простонародным языком, было «чисто переволочено». Отсюда село и получило название села Чистопереволочного» [Ф. Я. 1881, 245]. Пример показывает, что в некоторых случаях сюжеты данного типа могут быть очень устойчивы и сохраняться на протяжении долгого времени.

Таким образом, предложенное Н. А. Криничной обозначение мотивирующей основы топонима — «по случайному признаку (народная этимология)» — на наш взгляд, требует уточнения. С одной стороны, народной этимологией можно назвать любое объяснение происхождения слова (не только топонима), полученное от носителя фольклора, — и тогда все топонимические предания в широком смысле

относятся к этой области. С другой стороны, такая формулировка заранее содержит в себе некоторую оценочность: она однозначно опровергает информацию, содержащуюся в предании, противопоставляя её научной истине. Зачастую, однако, у нас нет никаких данных, чтоб установить, соответствует ли фольклорная версия происхождения топонима реальной действительности или нет. Классифицируя предания, мы отталкиваемся от картины мира фольклорноносителя и опорные точки должны искать именно в этих рамках.

Альтернативный подход обнаруживается в модели более подробного указателя сюжетов и мотивов, разработанного Н. В. Петровым [Петров 2013]. Наш материал вполне возможно классифицировать, основываясь на выделенных в этом указателе структурных единицах. В частности, в раздел I.A.3 (названо в связи с особенностями объекта — носителя топонима: I.A.3.1. Отдельные события из истории данного объекта) попадает предание о селе Чистопереволочном: село было «переволочено», — а также, например, предание о деревне Гари: «Три года поля вокруг деревни горели, видно, торф там горел. Вот Горелой и назвали.

Источники и материалы

Березович 1999 — Березович Е. Л. Топонимия и исторические предания: к вопросу о взаимодействии различных версий этнокультурной информации // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. трудов. 1999. Вып. 3. С. 3–30.

Березович и др. 2015 — Березович Е. Л., Кучко В. С., Сурикова О. Д. Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. №1(18). С. 108–133.

Голева 2013 — Голева Т. Г. Предания коми-пермяков о древнем населении Прикамья в современных записях // Этнокультурное наследие пермских финнов: Мат-лы Всеросс. науч. конф. / Науч. ред. С. М. Аристова. Кудымкар, 2013. С. 139–143.

Из дневника 1883 — Из дневника по обзору народных училищ члена К-ского уездного училищного совета // Пермские губернские ведомости. 1883 г. №26. С. 133–134.

Клюйкова 2012 — Клюйкова Е. А. Культ Параскевы Пятницы и почитание водных источников в Чердынском районе Пермского края: современное состояние традиции // Славянская традиционная культура и современный

мир. Вып. 15: Стратегия и практика полевых исследований. М., 2012. С. 260–277.

А потом Гари» (Зап. от Дарьи Игнатьевны Баяндиной, 1914 г. р., д. Исаково, Чердынский р-н, Пермская обл. Соб. 1989 г.) [ФА ПГНИУ, т. 444а]. (По классификации Н. А. Криничной последний сюжет попал бы в группу преданий, описывающих происхождение топонима от особенностей местности.)

В целом топонимические предания Пермского края отражают специфику истории и культуры региона. Преобладают фольклорные нарративы, объясняющие название поселения указанием на его основателя; примечательны характеристики таких первоначальников: новгородцы, беглые, разработчики медных или других месторождений. Этническое своеобразие территории способствует появлению разнообразных вариантов «народной этимологии» нерусскоязычных названий. Что касается географических особенностей местности, то она не слишком ярко проявляется на материале преданий соответствующей группы. Пожалуй, с некоторой долей уверенности можно сказать, что определяющим часто оказывается рельеф местности, а растительный мир оказывается более значимым, нежели животный.

Королёва 2014 — Королёва С. Ю. Чудь с русскими именами: кого и как поминуют на чудских могильниках? (материалы Верхнего Прикамья) // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. №2. С. 156–170.

Криничная 1991а — Криничная Н. А. Предания русского Севера. СПб, 1991. // URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/> (дата обращения: 20.02.2018)

Криничная 1991б — Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: вопросы генезиса и структуры. Петрозаводск, 1991.

Криничная 1991в — Криничная Н. А. Указатель типов, мотивов и основных элементов преданий // URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm> (дата обращения: 15.03.2018).

Курочкина 2012 — Курочкина М. В. Устные истории прикамских сел и деревень в системе локального и семейного фольклора (на материале современных записей) // Дергачёвские чтения-2011: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности / Сост. А. В. Подчиненов. Т. 3. Екатеринбург, 2012. С. 111–120.

Кустова 2014 — Кустова Е. В. Верхъязвинская (Обвинская) Успенская пустынь: из

истории основания и возрождения пермской обители // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. / Под ред. А. И. Демченко. Тамбов: Грамота, 2014. № 11 (49): в 2-х ч. Ч. II. С. 107-109. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/28.html> (дата обращения: 14.05.2018)

Матвеев 2008 — *Матвеев А. К.* Географические названия Урала. Екатеринбург: ИД «Со-крат», 2008.

Моряхина 2014 — *Моряхина К. В.* К вопросу о классификации легенд о Пермской чуди // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции / Под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2014. №9. С. 81–86.

Моряхина, Сарапулов 2010 — *Моряхина К. В., Сарапулов А. Н.* Складывание легенд и преданий о Пермской чуди // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: *Stadia historica jenium* / Под ред. Е. С. Субботиной. Пермь, 2010. №1(6). С. 7–11

Память о Ермаке в Пермском крае 1881 — Память о Ермаке в Пермском крае (Исторический Вестник) // Пермские губернские ведомости. 1881. №74. С. 370.

Переписные Осинские книги 1880 — Переписные Осинские книги князя Ивана Дашкова 1678 года. Поясн. В. Н. Шишонко // Пермские губернские ведомости. 1880. №15. С. 76–77.

Петров 2013 — *Петров Н. В.* Проблемы описания локальной традиции: указатель сюжетов

и мотивов топонимических и исторических преданий // Устное и книжное в славянской и еврейской культурной традиции: Сб. статей / Под ред. О. В. Беловой. М., 2013. С. 227–246.

Приказчикова 2009 — *Приказчикова Ю. В.* Устная историческая проза Вятского края: Материалы и исследования. Ижевск, 2009.

Ф. Я. 1881 — *Ф. Я.* Село Чистопереволочное Оханского уезда // Пермские губернские ведомости. 1881. №48. С. 245.

Чагин 1999 — *Чагин Г. Н.* История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века: Уч. пос. Пермь, 1999.

Шишонко 1883а — *Шишонко В. Н.* Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и сёлам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №59. С. 309.

Шишонко 1883б — *Шишонко В. Н.* Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и сёлам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №68. С. 355–356.

Шишонко 1883в — *Шишонко В. Н.* Историко-статистическое описание низших учебных заведений г. Соликамска с уездом его с приложением летописей как городу, так и сёлам, где имеются учебные заведения // Пермские губернские ведомости. 1883. №72. С. 374.

Сокращения

ФА ПГНИУ — Фольклорный архив Пермского государственного национального исследовательского университета

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешина К. С. orcid.org/0000-0002-9399-5136

магистрантка филологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета: Российская Федерация, 614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15, тел. +7 (342) 239-64-35, e-mail: alishapeshina@yandex.ru

TOPONYMIC LEGENDS OF THE PERM REGION: MOTIVATING BASIS AND GROUPS OF PLOTS (ON MATERIALS OF XIX–XX CENTURIES)

KALISA S. PESHINA

(Perm State University: Bukireva street, 15, Perm, 614990, Russian Federation)

Summary. In this article we try to describe, characterize and classify toponymic legends that were recorded in the territory of Perm region during expeditions of the Philological Faculty of Perm State University. The primary classification is based on motivational model proposed by the informants.

One of the largest groups of toponymic legends consists of legends where the toponym is considered derived from the name of the pioneer (or, rarely, another person). Regional specificity manifests itself in the characteristics of the founders of the settlements: e. g., people from Velikiy Novgorod, runaway peasants and soldiers, developers of minerals. Another large group of legends connects the toponym with the terrain features: landscape, flora and fauna, etc. The peculiarity of the region is not the focus of these texts, instead, their distinctive trait is the lack of subject, the simplicity of construction. Third group of legends consists of legends that refer to events of local history, the ones that are basing on the internal form of the toponym, or offer variants of the folk etymology of non-Russian names.

Keywords: toponym, toponymic legend, Prikamye.

Acknowledgements. The study is financially supported by grant of the Russian Foundation for Basic Research, project No. 16-34-00007-ОГН “History of the Northern Prikamye in the mirror of folklore (based on publications of XIX – early XX centuries)”.

References

- Berezovich E. L.** (1999) Toponimii i istoricheskie predaniia: k voprosu o vzaimodeistvii razlichnykh versii etnokul'turnoi informatsii [Toponymy and historical legends: to the issue of interaction different version of ethnocultural information]. *Onomastika i dialektnaia leksika*, no. 3, pp. 3–30. In Russ.
- Berezovich E. L., Kuchko V. S., Surikova O. D.** (2015) Toponimicheskoe predanie i istoricheskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia) [Toponymic legend and historical fact (on the material of legends about robbers of The Vologda-Kostroma Borderlands)]. *Voprosy onomastiki*, no.1 (18), pp. 108–133. In Russ.
- Chagin G. N.** (1999) Istoriia v pamiati russkikh krest'ian Srednego Urala v seredine XIX — nachale XX veka [The history in the memory of Russian peasants of the Middle Ural in the mid-twentieth and early twentieth centuries]. Perm. In Russ.
- F. Ia.** (1881) Selo Chistoperevolochnoe Okhanskogo uezda [Chistoperevolochnoe village of Okhanskiy county]. *Permskie gubernskie vedomosti*, no. 48, p. 245. In Russ.
- Goleva T. G.** (2013) Predaniia komi-permiakov o drevnem naselenii Prikam'ia v sovremennykh zapisiakh [The legends of Komi-Permyaks about the ancient population of the Kama region in modern records]. *Etnokul'turnoe nasledie perm-skikh finnov*. Kudympkar, pp. 139–143. In Russ.
- Iz dnevnika po obzoru narodnykh uchilishch chlena K-skogo uездного uchilishchnogo soveta [From the diary on the review of public schools of the member of K-skogo district school council]. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1883, no. 26, pp. 133–134. In Russ.
- Kliuikova E. A.** (2012) Kul't Paraskevyy Piatnitsy i pochitanie vodnykh istochnikov v Cherdynskom raione Permskogo kraia: sovremennoe sostoianie traditsii [The cult of St. Paraskeva and the springs in Cherdyn area of Perm region: the current state of tradition]. *Slavianskaia traditsionnaia kul'tura i sovremenniy mir*. Vol. 15. Moscow. Pp. 260–277. In Russ.
- Korolyova S. Iu.** (2014) Chud' s russkimi imenami: kogo i kak pominaiut na chudskikh mogil'nikakh? (materialy Verkhnego Prikam'ia) [Chudes with Russian names: whom and how are they remembered at the Chudes' burial ground?]. *Socio- and psycholinguistic studies*, no. 2, pp. 156–170. In Russ.
- Krinichnaia N. A.** (1991) Predaniia russkogo Severa [Legends of Russian North]. Saint-Petersburg. Available at <https://www.booksite.ru/fulltext/pre/dan/iya/>. In Russ.
- Krinichnaia N. A.** (1991) Russkaia narodnaia istoricheskaia proza: voprosy genezisa i struktury [Russian folklore historical prose: issues of genesis and structure]. Petrozavodsk. In Russ.
- Krinichnaia N. A.** (1991) Ukazatel' tipov, motivov i osnovnykh elementov predanii [The index

of types, motives and basic elements of legends]. Available at <http://www.ruthenia.ru/folklore/krinichnaya1.htm>. In Russ.

Kurochkina M. V. (2011) Ustnye istorii pri-kamskikh sel i dereven' v sisteme lokal'nogo i semeinogo fol'klora (na materiale sovremen-nykh zapisei) [*Folklore history of Kama region villages in the system of local and family folklore (based on modern data)*]. *Dergachevskie chteni-ia* — 2011: Russkaia literatura: natsional'noe raz-vitie i regional'nye osobennosti. T. 3. Ekaterinburg. Pp. 111–120. In Russ.

Kustova E. V. (2014) Verkh'iazvinskaia (Obvinskaia) Uspenskaia pustyn': iz istorii osnova-niia i vozrozhdeniia permskoi obiteli [*Verkhney-azvinskaya (Obvinskaya) Uspenskaya hermitage: from the history of foundation and revival the perm monastery*]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kul'turologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, no. 11(49), pp. 107–109, available at <http://www.gramota.net/materials/3/2014/11-2/28.html>. In Russ.

Matveev A. K. (2008) Geograficheskie nazva-niia Urala [*Geographical names of the Ural*]. Ekate-rinburg, «Sokrat» Publ. In Russ.

Moriakhina K. V. (2014) K voprosu o klassifi-katsii legend o Permskoi chudi [*To the issue of clas-sification of legends about the Perm Chudes*]. *Trudy Kamskoi arkhologo-etnograficheskoi ekspeditsii*, no. 9, pp. 81–86. In Russ.

Moriakhina K. V., Sarapulov A. N. (2010) Skladyvanie legend i predanii o Permskoi chudi [*Folding of legends about Perm Chudes*]. *Vestnik nauchnoi assotsiatsii studentov i aspirantov is-toricheskogo fakul'teta Permskogo gosudarstven-nogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriia: Stadia historica jenium*, no. 1(6), pp. 7–11. In Russ.

Pamiat' o Ermake v Permskom krae (Istorich-eskii Vestnik) [*The memory of Ermak in Perm re-gion (The Historical Herald)*]. *Permskie gubernskie vedomosti*, 1881, no. 74. p. 370. In Russ.

Perepisnye Osinskie knigi kniazia Ivana Dash-kova 1678 goda [*Census Osa books of prince Ivan*

Dashkov 1678 year]. *Permskie gubernskie vedo-mosti*, 1880, no. 15, pp. 76–77. In Russ.

Petrov N. V. (2013) Problemy opisaniia lokal'noi traditsii: ukazatel' suzhetov i motivov toponimicheskikh i istoricheskikh predanii [*Pro-blems of description of local tradition: the index of plots and motives of toponymic and historical leg-ends*]. *Ustnoe i knizhnoe v slavianskoi i evreiskoi kul'turnoi traditsii*, pp. 227–246. In Russ.

Prikazchikova Iu. V. (2009) Ustnaia istori-cheskaia proza Viatskogo kraia: Materialy i issle-dovaniia [*The folklore historical prose Vyatskiy region: Materials and research*]. Izhevsk, 2009. In Russ.

Shishonko V. N. (1883) Istoriko-statistich-eskoe opisanie nizshikh uchebnykh zavedenii g. Solikamska s uездом ego s prilozheniem le-topisei kak gorodu, tak i selam, gde imeiutsia uchebnye zavedeniia [*Historical and statistical description of lower educational institutions of the city of Solikamsk and its county with the annals of the city and villages where educational institutions situated*]. *Permskie gubernskie vedomosti*, no. 59, p. 309. In Russ.

Shishonko V. N. (1883) Istoriko-statistich-eskoe opisanie nizshikh uchebnykh zavedenii g. Solikamska s uездом ego s prilozheniem le-topisei kak gorodu, tak i selam, gde imeiutsia uchebnye zavedeniia [*Historical and statistical description of lower educational institutions of the city of Solikamsk and its county with the annals of the city and villages where educational institutions situated*]. *Permskie gubernskie vedomosti*, no. 68, p. 355–356. In Russ.

Shishonko V. N. (1883) Istoriko-statistich-eskoe opisanie nizshikh uchebnykh zavedenii g. Solikamska s uездом ego s prilozheniem le-topisei kak gorodu, tak i selam, gde imeiutsia uchebnye zavedeniia [*Historical and statistical description of lower educational institutions of the city of Solikamsk and its county with the annals of the city and villages where educational institutions situated*]. *Permskie gubernskie vedomosti*, no. 72, p. 374. In Russ.

ABOUT THE AUTHOR

Peshina K. S. orcid.org/0000-0002-9399-5136

E-mail: alisapeshina@yandex.ru

Master student of Philological Faculty

Perm State University

Bukireva street, 15, Perm, 614990, Russian Federation

Tel. +7 (342) 239-64-35
